

Глобализация как процесс возникновения информационного общества

Аннотация

В статье анализируются взаимоотношения между теорией глобализации и теориями постиндустриального/информационного общества. В теориях глобализации предпринимаются попытки охарактеризовать возникающее глобальное общество как общество постиндустриальное/информационное. Поэтому внимание в статье фокусируется на основных проблемах теории постиндустриального/информационного общества, связанных с необходимостью обосновать, во-первых, тезис о пришествии на смену индустриальному капитализму информационного общества, информационного капитализма, когнитивного капитализма, а во-вторых, тезис о том, что в новых условиях классическая социальная теория утрачивает способность объяснять социальную реальность, и это обуславливает необходимость замены ее принципиально новыми теориями. В статье утверждается, что, определяя глобальное общество как общество постиндустриальное/информационное, теория глобализации не дает адекватного, объективно истинного образа реальности. Причина этой неспособности заключается в идеологически мотивированном отказе этих теорий от использования и развития теоретико-методологического потенциала классического социально-теоретического мышления для объяснения современного мира. Обе группы теорий, одна из которых призвана служить обоснованием другой, не обладают теоретическим и методологическим потенциалом, необходимым для объяснения современных глобальных трансформаций. Они не могут обосновать выдвигаемый ими тезис о радикальной трансформации общества. Одна из причин заключается в том, что в них нет целостного понимания общества и его развития. Критика данных теорий показывает, что в новом "глобальном" и "информационном" веке нет ничего такого, что требовало бы радикального разрыва с классической социальной мыслью и теорией.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, когнитивный капитализм, Маркс, теория стоимости, социальная теория

Концепт глобализации вошел в широкий научный оборот с конца 1980-х годов. Суть идеи глобализации выражается в утверждении о возникновении с определенного момента единого целостного мира, включающего в себя и перерабатывающего в новую глобальную форму общества все существующие на планете ранее относительно обособленные человеческие общности, а также о многообразных следствиях, вытекающих из этого обстоятельства для дальнейшего существования человечества.

Характерной чертой концепций глобализации является абстрактность понимания формируемого ею глобального социального пространства. Этим обуславливается противоречие, изначально содержащееся в попытке построить теорию глобального общества, центральным концептом которой выступает сама глобализация. Чтобы осмыслить процесс возникновения нового глобального общества, эта теория должна быть социальной теорией, определяющей социально-структурные характеристики этого общества, его конкретно-историческую форму и тип с точки зрения доминирующих в нем общественных отношений. Она должна давать ответ на вопрос, о каком обществе с точки зрения его социальных характеристик и социального устройства идет речь. Иными словами, *глобальность* как некий результат *глобализации* должна обладать определенным социальным качеством, ее социальная природа, социальный тип должны быть определены и выявлены. Но социальная теория, в которой центральная объясняющая роль отдана понятию глобализации, не определяет каких-либо других качественных характеристик общества, кроме пространственного масштаба и тенденции к пространственной экспансии. Представления о глобальном обществе в концепциях глобализации основываются на идее роста интенсивности абстрактных планетарных взаимосвязей между индивидами, социальными общностями, регионами, “быстро развивающейся и уплотняющейся сети взаимосвязей и взаимозависимостей, которые характеризуют современную социальную жизнь” [Tomlinson, 1999: p. 2], или “расширении социальных отношений поверх мира-пространства...” [James, 2005: с. 197], но они мало что говорят о том, что представляют собой эти планетарные взаимосвязи, какова их социальная сущность. Концепт глобализации, интерпретируемый как процесс пространственной трансформации, усиления глобальной взаимозависимости, возникновения единого социального пространства, глобального общества или глобальности, не уточняет, какими характеристиками помимо глобального масштаба возникающее общество обладает. Он не дает никакого понятия качественно определенного типа общества или типа общественных отношений, а просто “обозначает процесс всемирной пространственной экспансии, интеграции или трансформации сам по себе” [Rosenberg, 2005: p. 12]. На абстрактность, неопределенность и социально онтологическую пустоту понятия глобальности указывает и такое довольно типичное рассуждение М.Штегера, в котором глобальность рассматривается как будущее социальное состояние, характеризующееся плотными экономическими, политическими, культурными взаимосвязями и глобальными потоками, делающими существующие ныне политические границы и экономические барьеры irrelevantными. Однако такое понятие глобальности формально, его можно наполнять любым содержанием, что тут же и демонстрирует автор: “...мы можем с легкостью вообразить различные социальные проявления глобальности: одно основанное на ценностях индивидуализма,

конкуренции и экономической системе частной собственности, другое — воплощающее более коммунальные и кооперативные социальные механизмы, включая менее капиталистические экономические отношения”. Эти альтернативные варианты глобальности раскрывают “фундаментально неопределенный характер глобализации” [Steger, 2005: р. 13], прежде всего ее неопределенность как понятия, в котором обобщается некий реальный процесс.

Отрыв и превращение пространственно-временных свойств социальных структур в независимый и даже детерминирующий социальную реальность фактор ведет к овеществлению масштабов пространства и времени. Это означает, что конкретно-исторические свойства и характеристики социальных структур и отношений, испытывающих пространственно-временные трансформации, приписываются самим этим трансформациям, изменению пространственно-временных масштабов социальных систем. В случае с теорией глобализации глобальный масштаб пространства некой неопределенной социальной системы является ее определяющей характеристикой, детерминирующей характер социальной целостности и происходящей трансформации. Но совершенно не ясно, каким образом феномен пространственно-временных трансформаций может быть объяснен из самого себя. Неопределенность и смутность социального смысла и значения ключевого для концепций глобализации понятия, тенденция подменять социальное объяснение использованием абстрактных географически-пространственных представлений приводит к тому, что нерешенными остаются проблемы движущих сил и источников глобализации. Нередко эти проблемы решаются с использованием для характеристики процессов современного развития аргументов, присущих теориям постиндустриального или информационного общества. Характеристика глобального общества или глобальности как информационного и т.п. общества представляет собой попытку придать этому понятию качественную определенность, обнаружить основания и движущую силу пространственно-временной трансформации. Насколько плодотворной, с точки зрения создания адекватного реальности образа мира, является данная попытка? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать, что представляет собой так называемая теория информационного общества.

Теория информационного общества

Данная теория на самом деле представляет собой ряд концепций, с помощью которых западные теоретики менеджмента и социологи (П. Друкер, Д. Рисмен, Ж. Фурастье, М. Маклюэн, З. Бжезинский, Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер и др.) начиная с 1960–1970-х годов характеризуют социальную трансформацию западного общества и западного капитализма. К ним помимо концепции собственно информационного общества относятся также концепции постиндустриального общества, цифрового общества, общества знаний, сетевого общества, виртуального общества, киберобщества и т.д. Это своего рода официальный взгляд на развитие современного общества западных социологов, экономистов и философов. Их частично дополняют, частично опровергают концепции информационного капитализма, когнитивного капитализма, семиокапитализма, хайтеккапитализма, виртуального капитализма, цифрового капитализма, МРЗ-капитализма и т.д.

Первый тип концепций, соединяя термин “общество” с характеризующим его определением, предполагает, что западные индустриально развитые общества претерпевают радикальную трансформацию, решительно порывающую с прошлыми формами социальной организации и ведущую к возникновению общества нового типа. Второй же говорит о радикальных преобразованиях в рамках капиталистического общества и экономики и соответственно о новой модели капиталистического развития, капитализме нового типа, во многом отрицающего свойства капитализма прошлого. Здесь не обязательно предполагается менее решительный разрыв с предшествующими формами общества и парадигмами развития, нежели в концепциях первого типа. Но в целом элемент преемственности в концепциях второго типа играет более значительную роль.

Общим для всех указанных концепций является признание важности воздействия информации и знаний, а также информационных, цифровых и коммуникационных технологий, генерирования, распространения, обработки и использования информации и знаний на жизнь общества. Воздействие это столь значимо, что информация и знания, а также новые цифровые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) рассматриваются как движущий фактор возникновения общества нового типа — информационного общества. Информационное общество представляет собой такую форму общества, в котором решающую роль играет “поиск, сохранение, распространение и использование сообщений и знаний о растущих технических возможностях интерактивной коммуникации” (цит. по [Кюблер, 2010: с. 81]). Его важным признаком выступает то, что такое общество является одновременно глобальным. В этом глобальном обществе, ключевую роль в жизнедеятельности которого играют информационные технологии, системы коммуникаций и знания связывают весь мир в некое подобие “глобальной деревни”. Это указание на глобальный масштаб как атрибут информационного общества позволяет квалифицировать данные теории как теории глобализации.

Для характеристики указанных преобразований в данных теориях создан ряд концептов и метафор, в которых выражается образ нового мира — “сети акторов” [Latour, 2005], “экономика знаков” [Lash, 1994], “текучий модерн” [Бауман, 2008], “постсоциетальное” общество [Урри, 2012]. С их помощью западные социологи дают “диагноз нашего времени”, заключающийся в том, что жесткие иерархические социальные структуры, свойственные промышленному массовому обществу, вытесняются текучими, подвижными, контингентными, неиерархическими социальными отношениями, характерными для сетевого информационного общества, освободившимися от ограничений пространства и времени и приобретшими возросшую степень “мобильности”. Как отмечает Дж.Урри, развитие “глобальных” сетей и потоков подрывает эндогенные социальные структуры, которые, как предполагалось в социологическом дискурсе, обладают способностью воспроизводить самих себя” [Урри, 2012: с. 9]. По мнению С.Лэша, структуры “производительного общества вытесняются потоками информации и коммуникации, финансового капитала, интеллектуальной собственности, брендов и т.д.” [Lash, 2002]. Аналогичной точки зрения придерживается ван Дайк, утверждающий, что наша эпоха — это время доминирования сложных сетей, основанных на ИКТ. Как он считает, сетевое общество пришло на смену массовому обществу индустриального мира, и новый информационный век организует производство,

власть и социальную жизнь в новых сетевых формах. В общем, география мест сменяется географией потоков. Образцом новых сетевых социальных отношений для него выступает транснациональная корпорация, способная осуществлять экономическую пространственную экспансию с помощью аутсорсинга и субконтрактов [Dijk, 2005]. В общем, как отмечает К.Мэй, приняты “значительные усилия, чтобы убедить нас, что мы являемся свидетелями революции такой же важной и настолько же изменяющей жизнь, как индустриальная революция” [May, 2006: p. 311].

Вышеуказанные мнения перекликаются с идеями, изложенными М.Кастельсом в ряде работ, в которых он обосновывает глобализационные представления о пространственно-временном сжатии мира развитием информационно-коммуникационных технологий и возникновением на их базе “сетевого общества”. Для Кастельса возникновение сетевого общества означает, что в “начале тысячелетия новый мир приобретает очертания”, и это является результатом революции информационных технологий [Castells, 2000a: p. 367]. Кастельс утверждает, что ИКТ, микроэлектроника и системы цифровых коммуникаций являются основным фактором, который отличает, с точки зрения масштабов, скорости и сложности, нынешний процесс глобализации от ее предшествующих форм в более ранние исторические эпохи [Castells, 2009: p. 25]. ИКТ выступают мощными инструментами глобализации, поскольку они являются достаточно гибкими и способными перестраиваться в зависимости от локального контекста, масштабироваться, то есть расширять или сокращать сетевые мощности и могут действовать в широком диапазоне конфигураций. Современная эпоха капитализма основана на информационализме как материальном фундаменте нового типа развития, организованном вокруг принципов максимизации, основанной на знании производительности посредством развития и диффузии информационных технологий и обеспечения условий их использования — человеческих ресурсов и коммуникационной инфраструктуры [Castells, 2000: p. 210–220]. В результате новая сетевая экономика, основанная на знании и информации и исторически связанная с сетевой организационной формой беспрецедентного глобального масштаба, в настоящее время является глобально доминирующей [Castells, 2000: p. 77].

С помощью дискурса постиндустриального/информационного общества теоретики глобализации конструируют идеально-типические бинарные оппозиции между предшествующим способом индустриального производства, характеризующегося преобладанием тяжелой промышленности, массового производства и потребления, бюрократической организации и “социального конформизма”, и новым “пост”-обществом (среди характерных признаков последнего указывают на преобладание “гибкого производства” или постфордизма), в котором новые технологии творят новую эпоху. При этом нередко постиндустриальное/информационное общество оказывается также и обществом постмодерна. С точки зрения постмодернистских теоретиков, например Ж.Бодрийяра, новые технологии информации и социального воспроизводства (например, симуляции) пронизывают все аспекты общественной жизни и создают новое социальное окружение. Движение к миру постмодерна характеризуется бурным развитием технологий, одним из следствий чего выступает порождение нового постчеловеческого вида [Бодрийяр, 2011].

Объяснение глобализации взрывным развитием ИКТ означает, что теоретики глобализации в попытке создать новую теорию, якобы преодолевающую ограниченность классического социально-теоретического мышления, вынуждены, стремясь к пространственно-временной переформулировке социальной теории, прибегать для ее обоснования к технологическому детерминизму. Это хорошо видно на примере М.Кастельса и других подобных теоретиков. Кастельса нельзя упрекнуть в том, что он не интересуется социальными аспектами процесса глобализации. Как раз наоборот, проблемы роста социального неравенства, поляризации, социального развития находятся в центре внимания этого социолога, понимающего глобализацию как процесс крайне неравномерный и порождающий социальное исключение. Однако, при всех оговорках, что информационные технологии не являются причиной переживаемых нами изменений, без новых информационных и коммуникационных технологий ничто из того, что изменяет нашу жизнь, было бы невозможно. Это следует понимать так, что ИКТ все-таки являются причиной и движущей силой глобализации. Как утверждает сам Кастельс, двигателем трансформации социального ландшафта человеческой жизни стала “технологическая революция, основанная на информационных технологиях”. Она “начала в ускоренном темпе преобразовывать материальный базис общества” [Castells, 2000: р. 1]. Таким образом, социальную значимость ИКТ трудно переоценить. Масштабная трансформация в сфере ИКТ приводит к реорганизации социальных практик в пространстве и времени. Их организационной формой становятся сети, представляющие собой системы взаимосвязанных узлов и тот тип организации, который обеспечивает непрерывную адаптацию и гибкость, требуемую глобально взаимосвязанной экономикой.

В результате возникает так называемое сетевое общество как основа развития современного капитализма. ИКТ превращают сетевое информационное общество в глобальное, так как научно-технологическая революция предполагает создание глобальных компьютерных сетей и свободное движение товаров, информации, людей через границы государств. С 1990-х годов вся планета объединена в единую телекоммуникационную компьютерную сеть, являющуюся основой глобальной информационной системы и коммуникационных процессов. С точки зрения Кастельса, “расширение телекоммуникаций создает материальную инфраструктуру образования глобальной экономики, движение, аналогичное тому, которое лежит в основе строительства железных дорог и образования национальных рынков XIX века” (цит. по: [Kiely, 2005: р. 20]). Информационные сети ведут к возникновению “культуры реальной виртуальности”, основанной на электронных СМИ и глобальной компьютерной сети. Вся сфера человеческой деятельности базируется на доступе к информации и технологических инновациях.

Поэтому Кастельс характеризует современную эпоху как “информационный век”. Для Кастельса, как и для создателя одного из вариантов “критической теории глобализации” философа-постмодерниста Д.Келлнера [Kellner, 2002], глобализация выступает в первую очередь продуктом автономного технологического развития, влекущего за собой глобальную перестройку капитализма, в которой экономические, технологические, политические и культурные аспекты взаимно переплетены. Информационные потоки и властные отношения по поводу этих потоков радикально изменяют социальные отношения индустриального капитализма. Глобальные ИКТ рас-

ширяясь разрушают локальные связи или, выражаясь языком Кастельса, “пространство потоков” вытесняет “пространство мест”. Вследствие природы информационных потоков социальные взаимодействия происходят в глобальном масштабе в реальном времени. Время и пространство, таким образом, как бы сжимаются. Поэтому, как и большинство теоретиков глобализации, Кастельс говорит о сжатии пространства и времени как важнейшей характеристике глобализации, ведущей к снижению значимости, уменьшению роли многих институтов, имеющих фундаментальное значение на стадии индустриального капитализма, в особенности национального государства.

Когда теоретики информационного общества используют метафоры и образы “мест”, “потоков”, “текучести”, “мобильности”, они пытаются выразить мысль, что структуры и устойчивые модели отношений индустриального капитализма вытесняются новыми моделями отношений. Для характеристики последних нередко используется модный в социологии акторно-сетевой подход с его радикально реляционным взглядом на социальную реальность [Roberts, 2015: р. 4]. В контексте этого подхода социальный мир рассматривается как совокупность более или менее связанных фрагментов и частей. При таком взгляде утрачивается образ целостного социального порядка. Он заменяется непрерывными попытками упорядочивания.

Как в связи с этим говорит Б.Латур, социальное должно пониматься как движение пересборки и реассоциации [Latour, 2005: р. 7]. Общество становится чем-то перформативным, где люди связаны только посредством сетей практик. В нем все контингентно, и ничего нельзя сказать о необходимых закономерных связях между социальными объектами, только о нарративах, которые конструируют истории из этих объектов. Потоки рассматриваются как абсолютная противоположность устойчивых социальных структур, вытесняющая эту устаревшую форму организации общества.

З.Бауман, уподобляя состояние общества агрегатному состоянию вещества, отмечает, что жидкости, в отличие от твердых тел, не могут легко сохранять свою форму. Это потоки, которые “не фиксируют пространство и не связывают время”, течение “времени для них важнее, чем пространство, которое они занимают: в конце концов, они заполняют это пространство лишь “на мгновение”” [Бауман, 2008: с. 8].

Для Дж.Урри глобальные потоки описывают детерриторIALIZED совокупности людей, объектов, денег, образов, которые движутся внутри и поверх различных регионов, формируя гетерогенные, неравномерные, непредсказуемые и часто непланируемые волны [Урру, 2003: р. 60]. Они создают собственный контекст, не имеют четкого начального и конечного пункта и представляют собой непредсказуемые детерриторIALIZED движения.

Из сказанного видно, что теоретики постиндустриального / информационного общества основывают свои соображения об эпохальном перевороте в глобальных общественных отношениях на изменениях в одном из компонентов общественных производительных сил, преувеличивая их значимость и характеризуя их как радикальную трансформацию и разрыв с предшествующим типом общества. Это одномерное и линейное понимание общественно-исторических и экономических изменений, ставящее их в непосредственную зависимость от изменений в технологическом способе производства.

***Концепция когнитивного капитализма
как разновидность теории информационного общества***

В сходном ключе рассматривают социальную реальность концепции когнитивного и информационного капитализма. С одной стороны, употребление термина “капитализм” должно указывать на устойчивость фундаментальных структур, присущих обществу данного типа, и сохранение господства логики прибыли, а также ведущей роли эксплуатации труда, посредством которой извлекается прибавочная стоимость. С другой — термины “когнитивный” или “информационный” указывают на важные изменения в капиталистической системе — изменения в природе труда, форм собственности, роли закона стоимости, на которых основано накопление капитала [Верчеллоне, 2007; Vercellone, 2007]. Эти изменения преобразуют природу капитализма, порождая его новую стадию. Соответственно, назрел также “пересмотр концепции развития в свете мутаций, связанных с упадком индустриального капитализма и переходом к новому капитализму, который мы называем когнитивным” [Верчеллоне, 2007: с. 143]. То есть жизнь в условиях новой реальности, которая характеризуется концом индустриального капитализма и управляющего его развитием закона стоимости, означает, что прежние теории уже непригодны и необходимы новые концепции для новой действительности [Хардт, 2005: с. 180]. Основания для подобного взгляда являются общими как у теоретиков постиндустриального / информационного общества, так и для сторонников концепции когнитивного / информационного капитализма. Это — распространение знания и все более важная роль его в жизни общества и рост доли интеллектуального и нематериального труда, связанные с демократизацией образования и его возросшего общего уровня.

Исходя из этого, когнитивный капитализм понимается как капитализм, в котором знание, научное и другое, становится доминантой в процессе накопления, то есть знания становятся в современном капиталистическом обществе и соответствующем ему типе накопления господствующим. Этот тип накопления заменяет собой тот, что господствовал при индустриальном капитализме и предпочитал инвестиции в машины и организацию труда [Польре, 2007: с. 74]. Более конкретно это означает, что абстрактное знание, как утверждает П.Вирно, становится главной производительной силой, отодвигая на задний план расщепленный на повторяющиеся операции труд (цит. по: [Польре, 2007: с. 74]).

Среди наиболее важных положений концепции когнитивного капитализма можно назвать утверждения о цифровой трансформации капитализма, которая устраняет его сущностные черты, включая изменения в отношениях между трудом и капиталом, конец собственности, конец наемного труда, прекращение циклического развития капитализма и прекращение действия закона стоимости. Последнее обосновывается тем, что возникновение высоких технологий способствует повышению производительности труда и сокращению рабочего времени, затрачиваемого на изготовление продукта, настолько, что оно перестает быть объективной мерой труда, а сам производительный труд теряет свое значение как создатель богатства. По словам Б.Польре: “С одной стороны, капитал сводит к минимуму рабочее время; с другой — время работы представляется единственным источником и единственной мерой богатства. Мы пребываем в фетишизме, поскольку мера не

соответствует действительности” [Польре, 2007: с. 78]. Сокращение рабочего времени, требуемого для производства продукта, является следствием новой роли знания, отменяющей действие закона стоимости. Знание, как доказывают “когнитивисты”, является новым элементом труда, превращающим материальный труд в нематериальный и когнитивный, становящийся гегемонистской формой труда. Поэтому отношения капитала и труда на стадии когнитивного капитализма характеризуется гегемонией знаний, диффузной интеллектуальностью и направляющей ролью производства знания [Vercellone, 2007: р. 16]. Механическая часть основного капитала все менее и менее важна в сравнении с нематериальным трудом, то есть программным обеспечением [Польре, 2007: с. 79].

Поскольку когнитивный труд как гегемонистская форма труда неизмерим с точки зрения стоимости труда, то есть в зависимости от времени, затраченного на производство [Польре, 2007: с. 78], трудовая теория стоимости больше не объясняет реальности современного когнитивного капитализма. То есть при когнитивном капитализме стоимость утрачивает присущую ей объективную меру и закон стоимости прекращает действовать. Как говорит А.Негри, “закон стоимости или, скорее, мера эксплуатации становится устаревшей и бесполезной” (цит. по: [Польре, 2007: с. 78]). В этом отношении когнитивисты идут по стопам Кастанельса, тоже обосновывавшего мысль, что стоимость, основанная на производительном труде, замещается стоимостью, создаваемой знанием, информацией. Соответственно устраняется основа для различения между необходимым и прибавочным трудом и, следовательно, появляется возможность говорить о том, что эксплуатация уходит в прошлое. Она становится принципиально неопределимой и как бы исчезает, что устраняет основу классовой борьбы труда и капитала. Господство капитала определяется теперь не экономическими отношениями эксплуатации как соотношения долей оплаченного и неоплаченного рабочего времени, а только тем обстоятельством, что капиталисты обладают командной властью над производством и способны экспроприировать рабочих политическими средствами. Капитал становится силой, внешней по отношению к производственному процессу [Hardt, 2009: р. 137]. Когнитивисты конструируют типологию капитализма, из которой следует, что трудовая теория стоимости обладает не всеобщим, а локальным значением и применима только в отношении индустриального капитализма. Ибо только на этой стадии реального подчинения труда капиталу знание производится капиталом и навязывается рабочим. При когнитивном же капитализме реальное подчинение труда капиталу преодолевается, интеллектуальные рабочие возвращают контроль над производством знания и достигают автономии от капитала.

Все доказательства трансформации капитализма, связанной с упразднением стоимости как экономического отношения, основанного на ее детерминированности общественно необходимыми затратами труда, измеряемыми рабочим временем, лежат в условиях так называемого нематериального производства. Когнитивисты утверждают, что нематериальный труд вытесняет материальный и это является следствием того, что наука, знание становятся непосредственно производительной силой. А как утверждает К.Верчеллоне, при производстве знание-интенсивных товаров рабочее время утрачивает значение. И поскольку предельные издержки воспроизводства оказываются крайне низкими, стоимость их воспроизводства стремится к нулю, эти това-

ры фактически не обладают стоимостью и должны были бы быть бесплатными [Vercellone, 2007: р. 33–34]. Во многих случаях, как утверждают когнитивисты, продолжительность рабочего времени перестала быть фактором организации труда и не позволяет представить ее как заслуживающую доверия меру стоимости и затрат на производство. Особенно в секторах интенсивного потребления знания рабочее время, отведенное для производственной деятельности, представляет собой лишь второстепенный источник производительности труда человека [Польре, 2007: с. 80]. Иначе говоря, поскольку в нематериальном труде рабочее время приближается к нулю, стоимость так называемых когнитивных товаров (например, программного обеспечения и различного медиа-контента) более не определяется рабочим временем.

Проблема с когнитивистским отрицанием релевантности трудовой теории стоимости в условиях современного капитализма заключается в том, что, пытаясь доказать неприменимость закона стоимости к производству когнитивных продуктов (идей, образов, информации), когнитивисты неправомерно уравнивают нематериальный и материально-производственный труд, стирают различия между ними, рассматривая все виды труда как непосредственно производительные только затем, чтобы потом утверждать, что условия материального производства, к которым собственно и относится закон стоимости, не применимы к нематериальному производству. Именно смешение понятий непроизводительного и производительного труда, расширительное понимание последнего имеют в виду когнитивисты, когда говорят, что само понятие труда становится все более экстенсивным, что труд выходит за свои пределы, что вся жизнь выступает когнитивным трудом, поскольку по определению является производительной и творческой, что труд распространяется на все акты жизни, поэтому нам следует отказаться от старого значения слова “труд”, которое принимало во внимание только его материальную форму [Польре, 2007: с. 78].

Но, опровергая действия закона стоимости ссылками на нематериальное производство и когнитивный труд, когнитивисты упускают из виду то обстоятельство, что закон стоимости в принципе применим только к производству материальных благ, непосредственно производительному труду и не применим к труду нематериальному, в особенности производству идей, то есть информации. Строго говоря, нематериальный труд не производит стоимости, это привилегия материально-производительного труда. Экономические отношения по определению являются отношениями по поводу вещей, и стоимость является отношением по поводу вещей, производимых для обмена, а не идей или услуг, и это отношение прикрытое вещной оболочкой. И более того, в материальном производстве также нет прямого соответствия между затрачиваемым на производство общественно необходимым рабочим временем (стоимостью) и ценой товара. Последняя определяется стоимостью не напрямую, а посредством цены производства. То есть цены товаров стремятся к ценам производства, включающим в себя издержки производства и среднюю прибыль. Стоимость проявляется непосредственно только во влиянии, которое изменяющаяся производительность труда оказывает на динамику цен производства. Только в целом сумма цен товаров совпадает с произведенным трудом, то есть стоимостью. Стоимость — это только центр тяжести, вокруг которого происходит колебание цен.

Капитализм, конечно, превращает в товар все, включая идеи, но следует помнить, что это товар фиктивный, поскольку идея не может быть отчуждена от своего “собственника” подобно материальной вещи. Поэтому здесь и возможна ситуация, при которой продукт деятельности может передаваться бесплатно, ибо ее создатель при передаче ее другим лицам данный “товар” не утрачивает. Поэтому можно, следуя логике капиталистического накопления, устанавливать права интеллектуальной собственности и взимать при передаче идеи, например, в форме программных продуктов монопольную ренту за пользование ими, а можно бесплатно распространять операционную систему Linux с открытым программным кодом, подрывая монополию и власть Microsoft. Знания как таковые не обладают меновой стоимостью, которая навязывается им искусственно при помощи юридических средств (прав на интеллектуальную собственность, патентов и т.д.), но на основе отношений стоимости, господствующих в капиталистически организованном непосредственно материальном производстве. Здесь мы имеем дело с товарным фетишизмом, при котором вещные отношения скрывают за собой отношения иного рода, порождающие отношение как к вещи к тому, что вещью не является.

Смещение производства идей с производством вещей, распространение понятия материально производительного труда на труд нематериальный служит обоснованию тезиса, что превращение науки и знания в производительную силу делает ненужным материально-производительный труд, который начинает рассматриваться как нечто маргинальное. Общество, таким образом, освобождается от зависимости от материально-производительного индустриального труда, и в нем центральное положение занимает нематериальное производство и нематериальный труд, вооруженный интеллектуальными информационными технологиями. Производство превращается в производство знаний, информации и услуг, а не товаров. Материальное же производство теряет свою определяющую роль в развитии общества, перестает быть движущей силой его развития. Это позволяет обосновать тезис, что капитал более не нуждается в рабочем классе (поскольку его вытесняет информационный, или когнитивный работник, когнитариат или кибертариат), и пренебречь его ролью в качестве создателя материальных благ.

При этом когнитивисты ссылаются на характеристику роли “всеобщего интеллекта”, данную Марксом, и его известное высказывание о том, что наука становится непосредственной производительной силой. Но дело в том, что в этой характеристике наука проявляет свою производительную силу, только воплощаясь в средствах производства, основном капитале, то есть в промышленности, которая и представляет собой технологическое применение науки, открывающее новые способы применения сил природы в производстве. Эти изменения в органическом строении капитала ведут к повышению производительности труда. Поэтому в условиях реального подчинения труда капиталу, которое, как говорят когнитивисты, является необходимым условием нематериального производства и увеличения автономии труда от капитала, относительная прибавочная стоимость извлекается из труда путем роста его производительности вследствие введения новых технологий, позволяющих сократить необходимое рабочее время. Непосредственно материальный труд и нематериальный труд выступают, таким образом, звеньями процесса производства, различными и взаимосвязанными моментами одной общественно-исторической практики. Без опосредованно участвуя-

щих в материальном производстве ученых, инженеров, управленцев нет современного производства. Но это не значит, что интеллектуальный труд отменяет необходимость производства материальных благ, а до тех пор, пока они производятся как капиталистически производимые товары, действует и закон стоимости. Интеллектуальный труд сам по себе ничего, кроме идей, не производит, а кроме идей для преобразования вещества природы и общества требуется материальная сила. Без превращения продуктов нематериального труда (идей) в материальные силы (средства производства, оборудование и т.д.), без их опредмечивания этот труд не сможет стать производительной силой. Само расширение сферы нематериального труда непосредственно зависит от развития материального производства, его способности обеспечить обществу возможность затрачивать возрастающую часть своего времени на занятия другими видами деятельности. Определяющим при этом является рост производительности труда в материальном производстве, абсолютно необходимом для обеспечения жизни людей [Золотов, 2006]. Повышение производительности труда, тождественное снижению времени, затрачиваемого в сфере материального производства, означает увеличение общественного богатства. Чего не учитывают когнитивисты — это того, что сокращение рабочего времени и стоимости производимых продуктов является законом развития материального производства.

Кроме того, когнитивисты слишком натуралистически интерпретируют стоимость, рассматривая порождающий ее абстрактный труд главным образом как затрату мускульной силы и нервной энергии работников [Jeon, 2010]. Это позволяет им недialeктически отрывать знание от материально-производительного труда и метафизически противопоставлять “исполнительские функции” (execution) и “когнитивную деятельность” (cognition). Однако ряд критиков справедливо указывают на то, что знания с самого начала являются элементом Марксовой теории стоимости [Jeon, 2010; Ebert, 2014; Smith 2014]. Маркс понимает абстрактный труд — источник стоимости — и воплощаемое в нем рабочее время как общественно-историческое явление, как общественно необходимое рабочее время, требуемое для производства потребительной стоимости в условиях производства нормальных для данного общества при среднем уровне умелости и интенсивности труда, преобладающем в данном обществе. Иными словами, это время функционирования человеческого знания, воплощенного в исторически конкретных формах имеющихся навыков, знаний, технологий и средств производства, используемых рабочими. И это также время, за которое рабочий приобретает необходимые знания и навыки. Всякое повышение производительности труда требует развития познания, обретения обществом нового знания, опредмечиваемого в новых средствах производства, распространение которых ведет к изменениям в органическом строении капитала и является причиной роста производительности труда.

Всякая смена поколений техники, технологий, технологических укладов требует получения рабочими новых знаний, навыков, умений, которые позволяют труду создавать большую стоимость за единицу времени. Недаром Маркс проводил различие между трудом простым и сложным, вбирающим в себя больше знаний, навыков, умений. В этом смысле он является более знание-интенсивным и одновременно более производительным. Рост значения научного знания характерен как раз для индустриального капита-

лизма, то есть он не может рассматриваться как признак, специфический для так называемого когнитивного капитализма. Следовательно, концепции когнитивного капитализма не задают никакой меры для определения качественного перехода к тому типу капитализма, о котором они говорят. Перед нами метафора, а не научное понятие.

Таким образом, концепция когнитивного капитализма неправомерно противопоставляет знание труду. На самом деле материально-производительный труд — это опирающаяся на знания целесообразная деятельность, опредмечивающая идеи, рожденные общественным интеллектом. Диалектика знания и его опредмечивания уже встроены в трудовую теорию стоимости как ее неотъемлемая часть.

Утверждая, что рабочее время больше не является значимым фактором производства продуктов интеллектуального труда, теоретики когнитивного капитализма игнорируют эмпирический факт, что тезис об освобождении стоимости от детерминированности рабочим временем не поясняет, почему миллиарды людей труда каждый день работают под надзором своих боссов, которые “жизненно озабочены тем, сколько времени работники находятся на своем рабочем месте и насколько хорошо они вновь и вновь делают свою работу” [Caffentzis, 2005: p. 97]. Не поясняет он и того, почему транснациональный капитал переводит трудоемкие сегменты промышленного производства из индустриально развитых стран на периферию мировой капиталистической системы в стремлении использовать преимущества эксплуатации дешевой рабочей силы. Ведь это означает расширение глобального базиса материально-производственного труда, подчиненного действию закона стоимости. И тот простой факт, что “предприниматели продолжают измерять, сравнивать и вознаграждать рабочую силу исходя из четко определенных единиц времени” [Henninger, 2007: p. 174], означает, что закон стоимости отнюдь не умер. Наоборот, его действие стало “наиболее тираническим именно в нынешний неолиберальный период” [Caffentzis, 2005: p. 106].

В целом можно отметить, что вопреки стремлению избежать технологического детерминизма, теоретики когнитивного капитализма фактически утверждают непосредственную детерминированность радикальной трансформации капитализма именно трансформациями в технологическом базисе, связывают ее с прогрессом развития технологий, а не изменениями в системе социально-экономических отношений. Ведь с их точки зрения именно информационные технологии действуют как сила, преобразующая общество. В этом их мнения совпадают с теоретиками информационного общества. Однако когнитивисты в своеобразной форме улавливают реальную проблему, которую перед капитализмом ставит процесс развития производительных сил общества. Суть этой проблемы заключается в том, что под влиянием научно-технического прогресса рост объемов производства становится относительно независимым от величины затрат человеческого труда.

Собственно, этот вывод отнюдь не нов и еще задолго до возникновения концепции когнитивного капитализма был сделан в работах советских экономистов [Долгов, 1988; 1991], отмечавших, что рабочее время перестает быть мерой общественного богатства. Они говорили о том, что создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и количества затраченного труда, чем от мощи приводимых в движение средств производства, эффективность которых уже зависит от общего уровня науки и

от ее применения к производству. При этом они исходили из положений Маркса, на которые любят ссылаться когнитивисты: “В той самой мере, в какой рабочее время — простое количество труда — полагается капиталом в качестве единственно определяющего элемента, в той же самой мере непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания, с одной стороны, точно так же, как и по отношению к той всеобщей производительной силе, которая вырастает из общественного расчленения труда в совокупном производстве и выступает как природный дар общественного труда (хотя и является историческим продуктом). Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством” [Маркс, 1969: с. 207; 213]. Это не означает, что стоимость при капитализме больше не определяется рабочим временем. Это говорит о том, что с развитием общественного производства меновая стоимость как таковая перестает быть мерой потребительной стоимости и стоимостные, затратные критерии общественного производства перестают быть регулятором производства. Иными словами, обостряется противоречие между развитием общественных производительных сил и капиталистическими производственными отношениями.

Кризис стоимостных отношений обостряет противоречия капиталистического производства и требует перехода к новому типу общественного производства, нацеленному не на максимизацию стоимости, то есть затрат человеческого труда, а на высвобождение рабочего времени и на экономию труда. В этой новой форме производства господствует закон потребительной стоимости как специфической формы производственных отношений, в рамках которой увеличение общественного богатства в форме массы потребительных стоимостей, удовлетворяющих потребности развития членов общества, осуществляется путем снижения затрат общественного труда. Если бы когнитивисты просто утверждали, что развитие современных производительных сил, то есть сущностных сил человека, приходит в противоречие с отношениями стоимости и это прямо ставит вопрос о переходе к новой посткапиталистической ступени исторического развития, с ними не было бы нужды спорить. Однако они выдают кризисные тенденции в развитии капитализма за факт свершившейся трансформации, решительно изменившей природу капитализма, приписывая ключевую роль в ней возрастающей интеллектуальности, которая якобы увеличивает автономию интеллектуальных работников по отношению к капиталу.

Когнитивисты исходят из утверждения Маркса, что капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к минимуму. Именно в этом пункте возникает иллюзия когнитивизма относительно возможности преодоления закона стоимости при капитализме. Они исходят из верного наблюдения, что в принципе производительная сила труда, сокращая необходимое рабочее время, создает условия и предпосылки высвобождения времени для собственного развития всех членов общества (по этому поводу см.: [Маркс, 1969: с. 217]). Однако, с точки зрения когнитивис-

тов, это означает, что логика реального подчинения труда капиталу сама непосредственно создает условия, благоприятные для “коллективной реапроприации знания”, поскольку “живой труд” может конвертировать часть прибавочного труда в свободное время, посвященное приобретению образования как необходимого условия освобождения труда. Именно это, дескать, и происходит при когнитивном капитализме. Та “коллективная реапроприация знания” и превращение прибавочного времени в свободное, которое, по мнению Маркса, реализуется только в коммунистическом обществе, по мнению когнитивистов, уже реализованы. Современный капитализм уже основан на “реапроприации когнитивных аспектов труда живым трудом в отношении всей материальной и нематериальной деятельности” [Vercellope, 2007: p. 16; Virno, 2007].

Однако при любой форме капитализма товарная форма производства является господствующей. А в рамках товарной формы научно-технический прогресс, повышающий производительную силу труда, может реализовываться в экономии необходимого труда только для того, чтобы соответственно увеличить прибавочный труд. То есть уменьшение стоимости необходимой части продукта влечет за собой увеличение стоимости его прибавочной части. Указания Маркса на противоречивый характер капитала, который “с одной стороны, стремится свести рабочее время к минимуму, а с другой стороны, делает рабочее время единственной мерой и источником богатства”, с одной стороны, создает свободное время, а с другой — превращает это свободное время в прибавочный труд, с одной стороны создает материальные предпосылки развития “всеобщего интеллекта”, а с другой — разрушает их (см.: [Маркс, 1969: с. 214, 217]), — все эти моменты когнитивисты аккуратно проигнорировали. Так же как они проигнорировали указание Маркса на то, что наука становится непосредственной производительной силой, только воплощаясь в основном капитале, то есть средствах производства. На распространенное непонимание смысла этого высказывания Маркса обратил в свое время внимание Г.А.Багатурия [Багатурия, 1981].

Более того, признаки освобождения все более интеллектуализированного труда от власти капитала когнитивисты увидели в его растущей гибкости — способности интеллектуальных рабочих, освободившихся от своей роли частичных рабочих при фордизме, соответствовать разнообразным видам труда, быть готовыми столкнуться с изменениями в производстве, адаптироваться к выполнению различных задач. Но ведь придание гибкости рабочей силе как раз и является следствием неолиберальной трансформации, стремящейся лишить рабочую силу гарантий занятости и сделать ее более дисциплинированной и подчиненной капризам рынка. Оно означает утверждение нового способа контроля над рабочей силой, при котором капитал эксплуатирует все более гомогенизированный лишенный специализации и привязки к специфическому продукту, а значит, все более абстрактный труд, и его основа — именно контроль над временем производства, как в системе “точно вовремя”.

В концепциях когнитивного капитализма трансформирующий потенциал “информационной революции” сильно преувеличен. Строго говоря, последняя не является революцией ни в технологическом, ни в социальном смысле. Возникновение информационных технологий, означая качественный скачок в развитии технологического базиса современного общества, то

есть в развитии современной промышленности, не означает, тем не менее, революции. Критерием революции в технике является резкое повышение производительности труда. А воздействие “информационной революции” в этом смысле остается довольно ограниченным. С другой стороны, она не породила переворота в общественных отношениях.

По характеру производственных отношений и способу использования общественных производительных сил современное общество является капиталистическим, хотя и переросшим стадию монополистического и государственно-монополистического капитализма. Это общество, в котором технико-экономическое обобществление, централизация и интеграция капитала выходят на новый уровень, что и определяет специфику новой стадии капиталистического развития. Но целью производства по-прежнему является присвоение прибавочной стоимости посредством эксплуатации живого труда пролетариата, соединяемого тем или иным способом с мертвым, накопленным трудом, воплощенным в средствах производства, выступающих элементом функционирующего капитала. Накопление капитала по-прежнему является движущей силой и конечным результатом капиталистического процесса производства. Развитие технико-технологической составляющей общественных производительных сил определяется интересами и потребностями процесса накопления капитала и заключается главным образом в таких изменениях в процессах труда, которые сокращают ту долю рабочего времени, которая относится к необходимому рабочему времени, за счет чего увеличивается доля прибавочного рабочего времени.

В “информационной революции” как процессе обновления индустриальных производительных сил общества посредством возникновения новой системы машин нет ничего нового. Изменение и совершенствование технологических способов производства является неотъемлемой частью самовоспроизводства и самообновления капитализма. Само по себе это не указывает на переход от капитализма к какой-либо другой форме общества. Вывод о том, что буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя производственных отношений, К.Маркс и Ф.Энгельс сделали, обобщая именно опыт развития индустриального капитализма. И воздействие ИКТ на производство, экономику и общество целиком лежит в русле действия логики процесса индустриализации — замещении ручного труда машинным, замещении трудоемкого производства машиноемким, увеличении капиталоемкости и капиталовооруженности труда. Возникновение новой системы машин — электронно-вычислительных, надстраиваемой над уже существующей системой машин в качестве цифровых управляющих устройств, представляет собой закономерный процесс эволюционного научно-технического развития, выходящего на новый уровень. Этот этап индустриализации, нередко называемый третьей промышленной революцией, был бы невозможен без предшествующей ему электрификации, которая являлась ключевым процессом так называемой второй промышленной революции. В этот период развитие производства уже было непосредственно основано на развитии науки и научного знания.

Информатизация создает предпосылки для перехода к полностью безлюдному автоматизированному производству. Однако реализоваться полностью они смогут только при условии перехода к общественным отношениям, предполагающим устранение отношений стоимости и производства, на-

целенного на прибыль. Иными словами — по мере того как действие закона стоимости будет вытесняться действием закона потребительной стоимости и целью производства будет увеличение свободного времени работников.

Не мнимая смерть закона стоимости в рамках капитализма составляет суть современной трансформации. Если бы закон стоимости умер, умер бы и капитализм. А пока мы наблюдаем кризис отношений стоимости и кризис капитализма, который сопровождается борьбой за социальный облик будущего. Переход к обществу, в котором экономия живого и прошлого труда в производстве использовалась бы не для получения большей прибавочной стоимости, а для экономии всего необходимого и прибавочного труда, не является социальным придатком и простым следствием “информационной революции”. Он опосредован социально-классовыми отношениями и борьбой.

Заключение

Таким образом, определяя глобальное общество как общество постиндустриальное / информационное, теория глобализации не дает адекватного, объективно истинного образа реальности. Причина заключается в идеологическом характере этих теорий, побуждающем отказываться от использования и развития теоретико-методологического потенциала классического социально-теоретического мышления для объяснения современного мира. А между тем классическая социальная теория в лице Маркса предвидела новую форму развития индустриальных производительных сил как следствие стремления капитала извлекать относительную прибавочную стоимость за счет сокращения доли необходимого живого труда, что означало его замещение машинами, а стало быть, рост технического и органического строения капитала. И, разумеется, это предполагало увеличение роли науки и технологии в производстве вплоть до превращения науки в непосредственную производительную силу, о чем прямо говорил Маркс:

“Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, Knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса” [Маркс, 1969: с. 215].

Маркс на основе раскрытия законов развития капитализма также предвидел, что в результате “накопления знаний и навыков” накопление “всеобщих производительных сил общественного мозга” будет поглощаться капиталом и выступать как свойство капитала, а более определенно — как свойство основного капитала, коль скоро он вступает в процесс производства в качестве подлинного средства производства. На этой основе, как указывает

Маркс, разовьется автоматическая система машин. Возникающая на ее основе автоматическая фабрика состоит из множества механических и интеллектуальных органов, так что сами рабочие определяются только как сознательные ее члены [Маркс, 1969: с. 203]. Весь процесс производства, в котором основной капитал противостоит труду в качестве машины, выступает как “технологическое применение науки”. Тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести лишь до момента процесса производства. Приведенные мысли Маркса опровергают утверждения сторонников концепции когнитивного капитализма, что возросшая роль знания упраздняет действие закона стоимости в рамках капитализма и делает теорию трудовой стоимости нерелевантной. Наоборот, в рамках классической социальной теории, которую развивал Маркс, указанные процессы, включая достижение стоимостными отношениями своего предела, получают объяснение [Маркс, 1969: с. 206–208].

Иными словами, для Маркса усиление значения и роли науки и научно-го знания и информатизация индустриальных производительных сил являются закономерным следствием поиска новых стратегий и технологических способов, позволяющих капиталу увеличивать присвоение прибавочной стоимости. При этом стремление капитала к технологическим нововведениям, нацеленным на экономию живого труда, имеет четкие пределы: сокращение необходимого труда и увеличение за его счет труда прибавочного. Капитал применяет машину лишь в той мере, в какой она дает рабочему возможность более значительную часть своего времени работать на капитал [Маркс, 1969: с. 209]. Этим обусловлен предел автоматизации труда при капитализме и ограниченная прогрессивность капитализма в развитии общественных производительных сил.

Общий вывод, вытекающий из анализа попыток адептов теории глобализации качественно определить глобальное общество как общество постиндустриальное / информационное и объяснить глобализацию как прямое следствие развития ИКТ, заключается в том, что обе группы теорий, одна из которых призвана служить обоснованием другой, не обладают теоретическим и методологическим потенциалом, необходимым для объяснения современных глобальных трансформаций. Эти теории не могут обосновать выдвигаемый ими тезис радикальной трансформации общества. Одна из причин заключается в том, что в них нет целостного понимания общества и его развития. В качестве определяющих характеристик развития общества они берут отдельные стороны, тенденции, которые не характеризуют общество в целом и не могут быть объяснены из самих себя, поскольку эти процессы не имеют самостоятельной внутренней логики и не обладают независимой динамикой. В результате понятие глобализации получает превратное толкование, основанное на преувеличении социального значения и роли процессов технологического развития.

Зато критика данных теорий показывает, что в новом “глобальном” и “информационном” веке нет ничего такого, что требовало бы радикального разрыва с классической социальной мыслью и теорией. Гиперболы и метафоры “нового глобального / информационного века” и выдающейся роли ИКТ нацелены на сокрытие преэминентности капиталистического развития. Утверждения, что происходящие изменения требуют принципиально новой картины социального мира и теорий, в которых нет места понятиям

капитализма, эксплуатации, классовой борьбы, предназначены для обоснования отказа от классической социальной теории с ее социально-критическим потенциалом. Критика показывает, что динамика и логика “глобализации” и “информационной революции” определяются логикой развития общественной системы производства — капитализмом как системой всеобщего товарного производства с ярко выраженной тенденцией к глобальной экспансии. Привлечение же в качестве обоснования процесса глобализации теории постиндустриального / информационного общества не объясняет этого процесса; более того, на основании последней сложно судить, насколько реальной является сама глобализация.

Дело не в отрицании технологических трансформаций самих по себе, являющихся следствием динамического характера развития капитализма. Однако изменения, произошедшие в последние полвека, ассоциируемые с глобализацией, не определяются изменениями в способах хранения и переработки информации в рамках существующего технологического способа производства. Скорее их следует связывать с изменениями в социальных и экономических условиях развития капитализма как мировой системы. Глобализация не может выступать объяснением изменения этих условий, поскольку она сама представляет собой явление, реальность которого как раз и необходимо объяснить и доказать. И объяснена она может быть только на базе социальной теории — а именно, теории капиталистической социально-экономической формации и созданной на ее основе теории исторического капитализма, развитие которого ведет к формированию в процессе его экспансии капиталистического неравномерно развитого глобального социально-экономического пространства.

Источники

Багатурия Г. Категория “производительные силы” в теоретическом наследии Маркса и Энгельса / *Г. Багатурия* // Вопросы философии. — 1981. — № 9. — С. 103–116.

Бауман З. Текущая современность / Бауман З. — СПб.: Питер, 2008. — 239 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Бодрийяр Ж. — М.: Добросвет: КДУ, 2011. — 336 с.

Верчеллоне К. Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма / К. Верчеллоне // Логос. — 2007. — № 4. — С. 144–167.

Долгов В.Г. Управление научно-техническим прогрессом: потребительностоимостные основы / Долгов В.Г. — Л.: ЛГУ, 1988. — 184 с.

Долгов В.Г. Выбор нового курса / Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В. — М.: Мысль, 1991. — 204 с.

Золотов А.В. Философия производительного труда / А.В. Золотов, М.В. Попов. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. — 160 с.

Кюблер Х.-Д. Міфи про суспільство знань / Кюблер Х.-Д. — К.: Вид. дім Дмитра Бураго, 2010. — 264 с.

Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов) / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М.: Изд-во полит. литературы, 1969. — Т. 46, ч. 2. — 618 с.

Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия / Д. Урри. — М.: Выс. шк. экономики, 2012. — 336 с.

Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. — М.: Культурная революция, 2006. — 559 с.

Caffentzis G. Immeasurable Value? An Essay on Marx's Legacy / G. Caffentzis // The Commoner. — 2005. — Vol. 10, Spring/Summer. — P. 87–114.

James P. Arguing globalizations: Propositions towards an investigation of global formation / P. James // Globalizations. — 2005. — Vol. 2, № 2. — P. 193–209.

Jeon H. Cognitive Capitalism or Cognition in Capitalism? A Critique of Cognitive Capitalist Theory / H. Jeon // Spectrum: Journal of Global Studies. — 2010. — Vol. 2, № 3. — P. 89–116.

Castells M. The Rise of the Network Society / Castells M. — Oxford : Blackwell, 2000. — 594 p.

Castells M. Communication Power / Castells M. — Oxford : Oxford University Press, 2009. — 571 p.

Dijk J. Van. The Network Society: Social Aspects of New Media / J. van Dijk. — L. : Sage, 2005. — 301 p.

Ebert T.L. The Digital Metaphysics of Cognitive Capitalism: Abandoning Dialectics, the North Atlantic Left Invents a Spontaneous Communism within Capitalism / T.L. Ebert, M. Zavarzadeh // International Critical Thought. — 2014. — Vol. 4, № 4. — P. 397–417.

Hardt M. Commonwealth / M. Hardt, A. Negri. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2009. — 448 p.

Henninger M. Doing the Math: Reflections on the Alleged Obsolescence of the Law of Value under Post-Fordism / M. Henninger // Ephemera. — 2007. — Vol. 7, № 1. — P. 158–77.

Kellner D. Theorizing Globalization / D. Kellner // Sociological Theory. — 2002. — Vol. 20, № 3. — P. 285–305.

Kiely R. Empire in the Age of Globalisation: U.S. Hegemony and Neo-Liberal Disorder / Kiely R. — L. : Pluto Press, 2005. — 224 p.

Lash S. Economies of Signs and Space / S. Lash, J. Urry. — L. : Sage, 1994. — 368 p.

Lash S. Critique of Information / Lash S. — L. : Sage, 2002. — 247 p.

Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory / Latour B. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 312 p.

May C. Technology, Social Revolution and the Information Age / C. May // Historical Materialism. — 2006. — Vol. 14, № 1. — P. 311–325.

Rosenberg J. Globalization Theory: A Post Mortem / J. Rosenberg // International Politics. — 2005. — Vol. 42. — P. 2–74.

Steger M. Ideologies of globalization / M. Steger // Journal of Political Ideologies. — 2005. — Vol. 10, № 1. — P. 11–30.

Tomlinson J. Globalization and Culture / Tomlinson J. — Chicago : University of Chicago Press, 1999. — 248 p.

Vercellone C. From Formal Subsumption to General Intellect: Elements for a Marxist Reading of the Thesis of Cognitive Capitalism / C. Vercellone // Historical Materialism. — 2007. — Vol. 15, № 1. — P. 13–36.

Virno P. General Intellect / P. Virno // Historical Materialism. — 2007. — Vol. 15, № 3. — P. 3–8.

Urry J. Global Complexity / Urry J. — Cambridge : Polity, 2003. — 184 p.